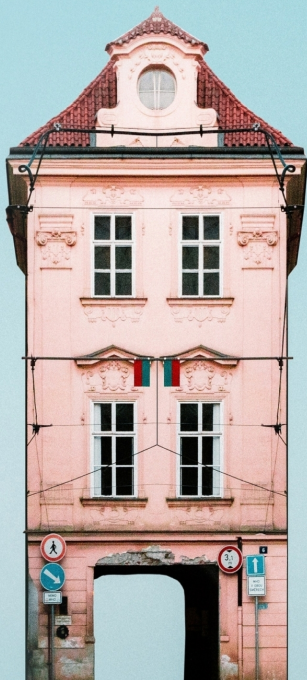

Элизабет Уайт

Разговор с Богом

Книга, которая умеет слушать

16+

Элизабет Уайт

Разговор с Богом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64035548

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98110-2

Аннотация

Четыре пути, четыре истории. Любовь, ненависть, страх, смелость, подавленность. С кем из героев вы захотите прожить жизнь и начать крепкую дружбу? Персонажи выслушают вас и постараются дать ответы на волнующие вас вопросы и полюбить всё то, что вас окружает. Отчаяние и надежда идут рука об руку. Что же из них сильнее?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Элизабет Уайт

Разговор с Богом

*Бог и религия тормозят прогресс,
а мы тормозим Бога*

На набережной Принсенсграхт сегодня солнечно. Никогда не видел столько солнца и света, спускающегося на эту брошенную Богом землю.

Я ещё не встал до сих пор с кровати, меня мучает головная боль. Аспирин мне никогда не помогал, поэтому надеюсь, что крепкий чай или кофе окажется мне отличным помощником.

Вспоминая события вчерашнего дня, я поймал себя на мысли, что произошедшее со мной ничто иное, как полнейший бред.

«Разве можно было общаться с Ним?!»

«Или это все-таки не Он?!»

Я попытаюсь вам рассказать, что вчера произошло со мной.

Глава 1

Майские дни выдались необыкновенно теплыми в этом году. Мне казалось, что погода всегда может согреть душу, но не тогда, когда ты в чем-то разочаровался или потерял какое-то важное звено, выпавшее из твоего жизненно важного механизма. Этим звеном была Дарин...

Каждый раз просыпаясь утром, я надеялся, что всё изменится. Мир станет более благосклонен и сможет принимать себя таким, какой он есть, но нет. Всё гораздо сложнее. Шестерёнки, которые крутятся в сознании вселенной, заставляют и нас подчиняться этим сложным циклическим движениям. С каждым днем мы становимся черствее и бесчувственнее, не замечая этого. К сожалению, с такими мыслями мне приходится вставать каждое утро: день новый, а мир старый, и вряд ли он пойдет на поправку...

Амстердамское утро. Отель. Тяжелые мысли. Расставание с любимой. Пытаясь убежать от взрослых проблем, я, как обыкновенный ненормальный подросток, первым же делом стартанул в ближайший магазин, чтобы купить нечто горячительное.

Выйдя из отеля и следуя в ближайший магазин, я поймал себя на мысли, что все люди моего возраста ведут себя всегда схожим образом: принимают поспешные решения, лезут на рожон или стремятся набросить на себя петлю, которая

будет постепенно затягиваться, сжимая вены и артерии. Перекрыть кислород в мозг для нас гораздо проще, чем попытаться самим справиться с тем безумием, которое на нас наваливается каждый день. Подросток – это организм, у которого абсолютно другое восприятие мира: больше чувств и эмоций, сумбура в голове, но при всех этих качествах полностью отсутствует чувство ответственности за свои поступки, также как и отсутствует полное восприятие сложившейся ситуации. И черт бы меня побрал, если это не так. Каждый в моем возрасте пытается прыгнуть выше неба и привлечь к себе внимание. Даже если человек абсолютно неприметный и ему шестнадцать лет, не верьте, что он не привлекает к себе внимание. Именно этой закрытостью юноша либо девушка пытается направить на свою персону как можно больше взглядов. Думая об этом, я не заметил, как подошел к магазину...

Оказавшись в магазине Jimbo на Westerstraat, я поймал себя на мысли, что даже приближённого понятия не имею о том, чего хочу. Стоя у супермаркета, я вспомнил, как в первый раз в пятнадцать лет попробовал пиво. Это был необычный момент для меня. Мой знакомый купил мне бутылочку тёмного «Козела». Помню, как я убежал в лесопосадки, где обычно захоранивали животных, и вкусил этот приятный хмельной вкус, который проник в моё тело и отдался теплом в каждом внутреннем органе. Отчётливо помню, что стояла прекрасная погода, уже был вечер. Солнце за горизонтом

ознаменовало окончание дня, розовые облака плыли передо мной, а я наслаждался каждым глотком, дарующим мне лёгкое чувство вины перед родителями и небывалое блаженство. Вернувшись из задворок собственных воспоминаний, я вошёл в магазин.

Я решил спросить продавца, что он мне посоветует (редкий случай, когда мне приходилось прибегать к такому методу, но ничего не поделаешь, в выборе крепкого алкоголя я был балериной, пытающейся поймать в Волге форель).

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – с неохотой спросил меня продавец.

Это был мужчина лет сорока. Похоже, что он был измучен постоянной работой и сразу было ясно, что магазин был не единственным его занятием. У него были темно-каштановые волосы, очень густые темные брови, небольшая трёхдневная щетина, на ногах – коричневые ботинки (наверное, очень качественная подделка с амстердамских рынков). Одет был, естественно, в униформу: белые носки, темные брюки, белая рубашка и поверх белый фартук, как и полагалось каждому работнику супермаркета. Также на левой руке я заметил кольцо. Похоже, что он пытался один прокормить семью. Пока мать нянчилась с крохами, глава семейства пытался за гроши работать на нескольких работах. Говорил мужчина по-английски с лёгким акцентом, который обычно присущ французским провинциям.

– Подскажите, что лучше взять: ликер или виски?

– Вам, молодой человек, нажраться или как? – слегка бес-
тактно и безучастно спросил мужчина, с неохотой оставляя
своё любимое занятие – просмотр телевизора.

«Видимо, у него тоже была бурная молодость», – подумал
я про себя.

– Нажраться! – ответил я, слегка смутившись от столь
прямого вопроса.

– Что ж, – слегка призадумавшись и окинув взглядом ал-
кополку, мужчина сказал, – возьмите «Чивас Регал» двена-
дцатилетний – не пожалеете!

– Хорошо, доверюсь Вашему вкусу. Беру! – я начал искать
кошелек в карманах своих джинсов.

– Хм... Это на мой вкус?! – с легкой усмешкой промолвил
он. – Я пил такое в последний раз лет пятнадцать назад, –
сглатывая слюни мечтательно, продолжал мужчина. – Моло-
дой человек, а покажите-ка Ваш паспорт, не очень-то Вы по-
хожи на совершеннолетнего!

Я слегка застопорился. У меня не спрашивали паспорт
уже года четыре. Я беспрепятственно раньше покупал сига-
реты, хотя и не был совершеннолетним. А сейчас, уже давно
перешагнув отметку в восемнадцать лет, этот вопрос меня
застал врасплох. На самом деле я не помнил: брал ли с собой
паспорт или нет. Да и какой к черту паспорт, когда я был так
подавлен?

Я начал рыться в своем небольшом портмоне. Мне каза-

лось, что паспорт был у меня с собой. Нельзя же было бродить без документов в незнакомом городе.

Наконец, найдя свой документ, я показал его продавцу. Он слегка кивнул и пробил виски.

– С Вас двадцать пять евро.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо за покупку, приходите еще.

И после этой фразы с недовольной ухмылкой мужчина опустил на свой стул и продолжил смотреть выпуски Доктора Хауса, наверное, второго сезона, когда подопечных всего было трое, а Чейз ещё не женился на Кэмерон, но у них всё было впереди, а у меня – нет.

Мне же поскорее захотелось выбраться на улицу и идти в сторону каналов, где жизнь несколько замедлялась. Столица Нидерландов всегда славилась шоппингом, развлечениями, тюльпанами, рынками и художниками, но в ту минуту больше всего я хотел сбежать от всего этого.

Я шёл мимо прекрасных зданий. Амстердам всегда славился своей красотой, своими живыми домами. Недаром здесь свои лучшие работы написали величайшие мировые художники. Идя по Амстердаму, я почти не обращал внимание на красоты и очень об этом жалею, потому что не каждый день попадаешь в сказочный мир, нарисованный великим художником.

Нидерланды – это не только алмазы, тюльпаны, сыр, деревянные башмаки, «Аякс», проституция и лёгкие наркотики

— это отдельный мир, который погружает тебя в пучину вдохновения, страсти и эмоций. Идя вдоль узких улочек, оттапывая брусчатку своими сапогами, ты чувствуешь, что в эту самую минуту становишься частью чего-то большего. Твоя жизнь, как змея, скидывает старую кожу и приобретает новую. Твоя душа соединяется наконец-то вместе с телом, которое блуждало по барам, девушкам и гулянкам. Всё сливается воедино. Именно здесь, в Нидерландах, ночью, под фонарями, ведущими вдоль каналов, которыми так восхищались поэты и художники.

По левую и правую руку от меня стояли невысокие трехэтажные домишки, сцепленные, как вагоны, друг за друга. Крыши были наклонены под углом сорок-сорок пять градусов. Мне всегда было интересно: если здесь выпадет очень много снега, какая же лавина может ударить кого-нибудь по башке. Наверное, будет не очень приятно потом торчать в травмпункте с огромным комом снега вместо головы. Но, благо, в Европе больницы получше, чем на востоке, и, сидя в очереди, на тебя не будет сыпаться штукатурка, не отвалится входная дверь, которая держится на одной петле, а в приёмной не будет стоять лютый холод, способный заморозить даже белого медведя.

Окна — это была отдельная тема в строении амстердамских домиков. Именно они делали эти бездушные создания живыми, это они придавали какую-то доброту и нежность этим чарующим строениям. Для людей — это просто стек-

ляшки, для архитекторов – это украшающий элемент, а для меня – это глаза домов, которые печально каждый день смотрят на то, что происходит вокруг.

Я смотрел по сторонам и шёл, пока не оказался на небольшой пристани, каких в Амстердаме полно, где водители небольших экскурсионных паромов привязывали свои лодки. Я посмотрел на указатель. Там было написано: “Prins Hendrikkade”. Я решил, что здесь пора остановиться и начать заливать свою печаль шотландским напитком.

Я сел на пристань и свесил ноги. Достал заветную бутылку и открыл. Сильный запах спирта ударил мне прямо в нос. Какая гадость! Кто это может пить? Но потом, сделав пару глотков, мне начало казаться, что это самый божественный нектар, который хоть немного заставит меня забыть о печали и снимет эту боль хотя бы на вечер. Послевкусие этого напитка напоминало о забродившем варенье, которое моя бабушка достала, когда мне было всего тринадцать лет. Странный привкус спиртованной смородины. Тогда я ещё не понимал, что варенье постепенно превратилось в вино. Я ел и ел его, пока не понял, что немного захмелел. Бабушка, попробовав это варенье, выплонула его назад в тарелку и сказала: «Вот же гадость – забродило. А ты чего его ешь? Оно же как спирт ягодный!». Я только пожал плечами.

Осмотревшись, я обратил внимание на приметное трехэтажное здание. Спустя несколько минут я почувствовал, что где-то на картинках в журналах или газетах видел подоб-

ное здание. Потом до меня дошло, что это был дом, где пряталась Анна Франк от фашистов. Какой же ужас ждал её в этом здании. Там бедная девочка писала свой дневник, который после её смерти стал бестселлером, тронувшим сердца миллионов людей. Как можно было так поступать с людьми? Она и её семья жили там двадцать пять месяцев! Этот мир не должен существовать. Зачем? Какой смысл? Чтобы так нещадно мучать детей? Чтобы порождать новое бесконечное зло каждое десятилетие.

Сразу в голове захотелось прокрутить всех злодеев последних десятилетий: Ильза Кох, Йозеф Геббельс, Адольф Гитлер, Сиро Исии, Генрих Гиммлер, Бен Ладен, Тед Банди, Андрей Чикатило и другие. У них тело по шею в крови, даже не руки, а именно тело! Зачем они это делали? Многие из них жили в нормальных условиях, у них были хорошие семьи. Почему другие люди, чья жизнь имеет на протяжении десятилетий, не становятся такими? Не идут убивать всех подряд, не создают концлагеря и не морят детей голодом.

На меня никто из прохожих не обращал внимание. Для Голландии это обычное дело, когда кто-то пьет алкоголь на улице или курит различные смеси. Конечно, со временем законы становятся жестче. Власти стараются не допускать распоясывания населения, но то, что было заложено, все равно в некоторой мере продолжает жить и по сей день...

Глава 2

*Жизнь есть жизнь,
она не стоит ничего и
стоит бесконечно много.*

Э.М. Ремарк

Так и сидел я полчаса на том же месте. Неожиданно сзади я почувствовал чьё-то приближение. Я сразу, по старой привычке, подумал, что это были полицейские, поэтому решил аккуратно спрятать бутылку, уже на четверть опустошенную, от греха подальше. Оказалось, что это был пожилой мужчина примерно семидесяти лет в белом потрёпанном костюме. У меня в голове сразу промелькнула мысль, что этот костюм он носит с тех самых пор, как пала Берлинская стена. В любом случае, такие костюмы уже не шились в нашу эпоху «материалов-заменителей». На нём также были белая шляпа и коричневые туфли (показалось, что немецкой марки, но тоже уже истертые). Видимо, туфли он не всегда использовал по назначению: ни раз ему приходилось пробираться в них в свой домик на окраине города в ненастную погоду. Его голову покрывала красивая шляпа того же белого цвета. Слишком светлым казался старик в этом костюме для Амстердама. Здесь люди хоть и любят выделяться своими нарядами, но белое мало кто носит.

Он подошел вплотную и заговорил:

– Здравствуйте, юноша. Меня зовут Йозеф. Разрешите к Вам присесть?

Я сначала подумал, как бы помягче его отшить, но потом вспомнил про вежливое обращение с пожилыми людьми и решил потактивнее его послать.

– Здравствуйте, извините, но у меня нет желания с кем-либо сейчас разговаривать. Сейчас я в печали и не очень хороший собеседник, как-нибудь в другой раз, – ответил я, доставая спрятанную бутылку.

Затем я сделал хороший глоток, что даже слегка поморщился от сильного дубового привкуса, ударившего прямо в нос.

– Я думаю, что Вам, молодой человек, сейчас нужна именно моя помощь, – сказал старик.

«Надоедливый старикашка, всё время эти пенсионеры до меня докапываются, ведь сейчас ещё поучать начнет, – подумал я про себя. – Хотя, что может быть хуже лекций по философии, которые мне читал преподаватель на втором курсе?! Думаю, что назойливого старика я точно вынесу. Ведь тогда я сходил на все семь лекций и выдержал страшные муки».

– Хорошо, садитесь.

Старик сел справа, в метре от меня. Положил свою шляпу между нами и несколько раз попытался пригладить правой рукой свои немногочисленные поседевшие волосы.

– Вы думаете, что я назойлив, но это не так. Просто я

знаю, что у Вас случилось.

– И что же? – абсолютно без интереса спросил я.

– Если подростку плохо значит тут несколько вариантов: он решил сбежать из дома и его достали родители; его не принимает общество, и он сам не принимает его; последний вариант самый страшный – это любовь – и именно она в Вашем случае является черной стороной на данный момент.

– Вы прямо-таки Нострадамус, – с явной злобой ответил я. – Глаза открыли. И так легко можно было догадаться. Я сижу один на пристани, где ходят люди. Мне наплевать на всех, пью виски, причём дорогой. Решил себя побаловать элитным пойлом. Идиотская подростковая жизнь, особенно под её конец. Вечно какие-то непонятные переходы с одной ступени на другую, только куда эта лестница ведёт? Может быть, мы с самого рождения откатываемся назад? Всё наше общество начало откатываться. В прошлом веке было столько умных людей, а сейчас что? Мы начали замедляться в развитии. Нас стало в три раза больше, а ума не прибавилось. Циничность, злость, алчность, эгоизм – всё, что у нас осталось. И к этому перечню каждое десятилетие прибавляется по новому пункту.

– Видимо, ты не понимаешь, что жизнь ведет тебя к пониманию всего нашего существования. Вот я знаю очень...

Не успел он проговорить что-то дальше, как я вставил свою реплику, отхлебнув добрых два глотка виски:

– Всё вы старики знаете, но при этом только одного по-

нять не можете, что не мы плохое поколение, а Вы ничего не сделали для нашего спокойного существования и развития.

– В чём-то ты прав... Как тебя зовут? Ты не представился.

– Меня зовут Дэни – соврал я. Старик, услышав мой ответ улыбнулся, глядя на противоположный берег. – Вот, скажите, как же так получается, что несправедливость поджидает нас на каждом шагу: богатых не сажают в тюрьмы, когда они воруют миллионами, спят с проститутками, загрязняют моря и заказывают убийства, а бедняка посадят на десять лет за украденную буханку хлеба, которую он пытался достать для семьи? Вы же всё знаете, давайте, ответьте.

– Я лучше расскажу тебе историю. У меня их много, а ты пей свой виски. Неплохой выбор, кстати. «Чивас Регал» – двенадцатилетний, – я посмотрел на этикетку: «Как он догадался?» – Только не напивайся сильно. Твоей любви уже не поможешь, но горе ты сейчас можешь заглушить, слушая мою историю, которая однозначно покажется тебе весьма занятной.

История, о которой я тебе расскажу, произошла в 1994 году в городке Линклэд. Вряд ли ты о нём что-либо знаешь. Этот городок находится в двадцати километрах от канадской границы на северо-западе США.

В том городке насчитывалось на тот момент примерно десять тысяч жителей. Все друг друга знали, никогда не ссорились, не вступали в перепалки несмотря на то, что боль-

шая часть населения потребляла виски в мировых масштабах. Прекрасные пейзажи этих мест сводили с ума, и каждый, кто туда приезжал, говорил: «Вот она девственная природа, нетронутая современными технологиями». Я никогда не встречал таких высоченных сосен и елей, непроходимый бурелом, фантастически выглядящий с высоты птичьего полета. Казалось, что эта часть США и есть настоящий, истинный мир, в котором должен жить человек, а не в этом бетонном хаосе, поглощающем всё большие и большие территории.

К юго-востоку от города располагался водопад. В той стороне дорога шла в гору, серпантином. Действительно очень закрученные повороты, на которых могли бы соревноваться лучшие раллийные гонщики семидесятых годов на своих «Лянчах», «Мерседесах» и «Феррари».

Здесьняя дикая природа сводила с ума не меньше, чем флора. Множество диких птиц обитало здесь: совы, филины, североамериканские орлы и другие. Бесконечное количество диких зверей блуждало по этим прекрасным лесам в поисках пищи: лисицы, зайцы, волки. Безусловно, такое количество зверей не могло оставить равнодушными охотников. Очень бы не хотелось, чтобы эта природа умирала, но таков человек: ему вечно нужны жертвы.

Сам городок состоял из четырех улиц: Вашингтона, Свободы, Кеннеди (старое название – улица Независимости), Форда. Улочки между собой мало чем отличались: на каж-

дой было по три светофора, вдоль улиц тянулись красные яркие вывески, всюду играла музыка; на каждой улице также располагалось по одному кафе; на улице Форда была единственная автозаправка и мастерская; на улице Кеннеди был сделан великолепнейший парк Славы, по которому можно было пройтись и увидеть много прекрасных памятников величайшим деятелям двадцатого века, можно было покормить уток в небольшом пруду, находясь рядом с памятником Кеннеди, располагавшемся в северной части парка, а в южной стороне стояла католическая церковь, где собирался весь город каждое воскресенье. Церковь была возведена в 19 веке. Прекрасное строение с узкими вытянутыми окнами. Само здание было выполнено в готическом стиле. Подобные здания можно встретить по всей Европе. Наверное, Дрезден – самый прекрасный пример, где строения подобного стиля можно чаще всего увидеть. Церковь была так расположена, что на закате на её крышу всегда падало солнце – это безумно красивое зрелище, которое позволило многим фотографом сделать сотни прекрасных снимков, попавших в их личные архивы и на первые полосы различных изданий. Ладно, я понимаю, что тебя утомил описаниями, но обязательно съезди туда.

Я хочу тебе рассказать о шерифе Линклэда Бенджамине Харрисоне. Это поистине прекрасный человек, которому на тот момент было чуть больше сорока пяти лет: высокого роста, черные выющиеся волосы, широкоплечий, крепкие му-

скулистые руки, длинные ноги, отличная фигура (даже не скажешь, глядя на него, что он съедает по пять пончиков за завтраком). Он всегда ходил в классической униформе: бежевые рубашка и брюки, черные сапоги и шляпа, напоминающая ту самую, которую носил Марти Макфлай в фильме «Назад в будущее 3».

В полиции он работал уже около двадцати лет. У него была жена и две красавицы дочки: Майя и Грета. Он их очень любил, никогда не увлекался другими женщинами и всячески пытался помочь каждому, кто попадал в беду. Но историю я начну за тридцать лет до того случая, о котором хочу тебе поведать.

Бенджамин Харрисон в школе был прекрасным мальчиком, который всячески преуспевал по всем предметам. Особенно ему удавались красивые сочинения. Он был очень вдохновлён рассказами Джека Лондона. Жизнь на севере США всегда подразумевает восторженность той природой и теми людьми, которые там проживают. Бенджамин очень любил свой город. Ему нравилось бродить по немногочисленным аллеям, парку, ездить с отцом на охоту. Юноша был очень любознательным. В то время его особо не интересовали девушки. Он знал, что всё рано или поздно придёт, а сейчас нужно набирать багаж знаний, который поможет в будущем.

Отца Бенджамина звали Роберт. Ему очень нравились ма-

шины. Когда-то давно он даже пытался устроиться работать на завод «Форд», но пробиться туда было практически невозможно. Но Роберт сумел открыть первую автомастерскую в городе.

Его мастерская располагалась на улице Вашингтона, в самом конце улицы. Зато под неё отведено было небольшое здание, которое когда-то служило небольшим продовольственным магазином, но с появлением супермаркетов хозяин решил уйти из бизнеса, накопив пару десятков тысяч долларов.

Мастерская называлась – «Repair your car». Вывеска была неброская. На белом фоне чёрными буквами было выведено название центра. Сам Роберт очень гордился своим творением. Он полностью сделал ремонт, сломал перегородки. Естественно, здание было больше пригодно для какой-нибудь небольшой закусочной или для нового маленького супермаркета, но городу нужна была мастерская. В округе не было крупных городов, а автомобилестроение развивалось с космической скоростью. Многие жители потом благодарили Роберта за то, что тот подарил городу возможность чинить автомобили, а не утилизировать их. Бенджамин тоже очень любил машины – эту любовь привил ему отец. Часто бывает, что сын с отцом великолепно ладят и находят точки соприкосновения. Кто-то болеет за одну и ту же команду в чемпионате MLB, кто-то вместе проводит время на выходных, кто-то слушает одну и ту же музыку. Многие дети стараются

сблизиться с родителями, а родители – с детьми.

Мама Бенджамина – Сюзен. Работала продавщицей в супермаркете. Работа ей очень нравилась. Она была привлекательной женщиной низкого роста, с кудрявыми тёмными волосами. Небольшая чёлка свисала над её лбом, создавая ощущение, что перед тобой стоит не женщина – мать троих детей, а приятная школьница. Глаза у Сюзен были карие, как и у Бенджамина. Её нос был достаточно узким, к сожалению, в детстве Сюзен очень сильно ударилась носом о край пристани, с которого обычно она с ребятами прыгала летом в воду. После того случая у неё появилась небольшая горбинка, которую врачи не смогли, как следует, исправить.

К Сюзен очень тепло относился весь город. Она всегда была улыбчива, предлагала свою помощь. Иногда продавала продукты в долг, если кто-то забывал деньги. Зачем кому-то тебя обманывать, если все друг друга знают? В Исландии, к примеру, случается одно-два убийства в год, которое раскрывается в течение одного дня, потому что убийца понимает, что все всё про всех знают и смысла прятаться нет. Обычно это случается только потому, что кто-то съехал с катушек.

Сюзен и Роберт познакомились в середине мая 1944 года. Тогда было очень неприятное время. Победа над Гитлером уже была близко, но нужны были добровольцы, которые бы отправились в Нормандию. Роберт пошёл одним из первых. Денег у семьи практически не было, а повоевать за свою Ро-

дину для него было делом чести.

Тем летом он встретил Сюзен в баре перед отплытием в Западную Европу. Как она была прекрасна! Белое летнее платье, красиво выпирающая грудь, прекрасная осанка, кудрявые волосы, которые вьются вместе с кружевами на её платье; чёрные босоножки, которые идеально смотрелись на маленькой ножке незнакомки. Сюзен села в углу бара и заказала себе 7up. Она никого не ждала, просто иногда ей хотелось посмотреть, как люди уходят в порт, чтобы потом отправиться в самое страшное путешествие.

Роберт, потягивающий пшеничное пиво, посмотрел на девушку у окна. Она была потрясающая. «Почему я еду на эту войну? Я мог бы остаться с ней!» – промелькнуло у него в голове. Роберт, не теряя ни секунды, отправился к тому столу, где сидела Сюзен. Девушка разрешила присесть молодому военному.

– Вы тоже отправляетесь на бойню? – спросила она, не отрывая взгляда от окна, хотя перед этим ей удалось окинуть боковым зрением Роберта. Фигура его была просто бесподобна, а светлые волосы, зачёсанные на правую сторону, добавляли его образу мальчишеской игривости.

– Да, нужно помочь нашей стране очистить Землю от этих людоедов.

– Вы правы. Но зачем идти на войну, если и так уже понятно, что Гитлер начал сдавать. Разве русские со своими союзниками не справятся?

– Простите, можно узнать Ваше имя?

– Сюзен, – сказала она и протянула руку. В этот момент сердцебиение Роберта участилось. Он чувствовал, что эти глаза, лицо, руки таят в себе чистоту, искренность и ласку, которая должна быть в каждом из нас.

– Роберт. Очень приятно, – ответил он и пожал руку в ответ, слегка улыбнувшись. Это был первый раз, когда Сюзен почувствовала смущение при виде светящегося лица юноши, который в тот момент понял, что влюбился с первого взгляда. – Я понимаю, почему Вы так говорите, но ведь армия Гитлера опять может воспрянуть духом или могут появиться новые союзники. Лучше не рисковать и дожать соперника сейчас. Всем нужна мирная жизнь. Нам повезло, мы живём далеко от всего этого безумия. В Северной Америке всего три крупных государства. Нам бояться нечего. С Мексикой и Канадой у нас хорошие отношения, поэтому мы в безопасности. А вот в Европе царит настоящее безумие.

– Может быть Вы и правы. Давайте перейдём на ты?

– С преобладающим удовольствием, – сказал солдат опять с той же обворожительной улыбкой. Роберт сделал ещё глоток пшеничного пива. Пена осталась у него над губой. Сюзен засмеялась, когда увидела, как смешно выглядит Роберт.

Они проговорили ещё сорок минут до начала посадки на корабль. Говорили они о многом: о том, как жили раньше и о чём мечтают. Они договорились встретиться после войны на севере США, в городе Линклэде. Сюзен оставила адрес

Роберту, чтобы тот мог писать письма.

Все письма, которые писали друг другу мать и отец Бенджамина, сохранились у сына и хранятся как семейная реликвия. Пускай их уже нет в живых, но, может быть, на небе они всё также сидят в баре пьют пиво и 7up и обсуждают планы на жизнь.

Вернёмся к шестнадцатилетнему Бенджамину. Он очень любил Джона Кеннеди, которого год назад застрелили. Джон стал кумиром многих, но в сердце Бенджамина он занимал особое место. Ведь бывший президент США смог найти возможность договориться с СССР, чтобы не развязать ядерную войну. И Карибский кризис был улажен. Мир стоял тогда на пороховой бочке, а молодость и спокойствие президента спасли Землю.

В тот день, когда пришла новость о смерти Кеннеди, Бенджамин был сам не свой. Он пошёл к своему другу и однокласснику Уэйн Маклинстону.

Уэйн был мальчишкой среднего роста, худой, глаза голубые, тёмные короткие волосы, сильно выпирающие из-за худобы скулы; юношу отличали очень развитые мышцы ног, в то время каждый из ребят много бегал и занимался спортом. Он был влюблен в «битлов», которые в феврале 1964 года отправились в турне по штатам. Уэйн даже выпросил поездку в Нью-Йорк у родителей, чтобы встретить любимую группу в аэропорту. Для мальчугана пятнадцати лет встреча с куми-

рами была незабываемой. Уэйн во всём хотел быть похожим на «Битлз»: костюм, причёска, манера говорить. Джон Леннон был его идолом. Пластинка «A Hard Day's Night» всегда стояла в его комнате на самом видном месте.

Юноша также был увлечён фотографией. В этом году ему подарили фотоаппарат. Его родители были весьма состоятельны, поэтому он просто попросил – ему купили. Когда достаточно обеспеченные дети получают такие подарки, они воспринимают это как должное – очень жаль. Им не дано прочувствовать то счастье, когда ты нашёл коньки под ёлкой или футбольный мяч. Они не ценят, когда им принесли щёночка. Единственным их вопросом будет: «Почему не лабрадор?»

Бенджамин прибежал к Уэйну на участок, который располагался по соседству. В этот самый момент Уэйн пытался сфотографировать королевского дятла, который не так часто появлялся в этих краях, но Бенджамин спугнул птицу своим резким появлением.

– Какого чёрта, Бен?! Я мог сфотографировать дятла и отправить в бостонский журнал его фото, – со злобой сказал Уэйн.

– Прости, друг, но..., – со слезами на глазах говорил Бен. После небольшой паузы юноша продолжил, – Кеннеди убили...

Уэйн обнял друга и предложил ему присесть на скамейку, которая стояла на террасе дома Маклинстонов.

Бенджамин схватился за голову и продолжил рыдать, сидя на скамейке.

– Не плачь! – Уэйн обнял друга и добавил. Всё ещё с горечью вспоминая о бостонском журнале и об улетевшем дятле. Уэйн был далёк от политики. Он вообще не понимал смысл всех этих перестановок, смен правления и прочих заморочек. – Поверь, они все получают по заслугам. Те, кто убивают добрых людей, всегда потом страдают. Можешь не сомневаться.

Кажется, эти слова несколько успокоили бедного юношу, который запомнит этот печальный день на всю жизнь. Тяжело осознавать, что твой кумир больше не улыбнётся на камеру.

– Спасибо, Уэйн. Похоже, что мне стало легче. Сестра мне сказала тоже самое, что и ты. Она умная и всё знает. Если Маргарет что-то сказала, значит так оно и есть.

– Конечно, Маргарет никогда не ошибается, – подтвердил Уэйн, заливаясь краской.

Уэйн и Бенджамин успешно закончили школу. Бен уехал в Коннектикут в Академию береговой охраны США. Ему хотелось быть ближе к океану. Он считал, что это прекрасная возможность проявить все свои навыки и знания, которые он получил в подростковом возрасте. Единственное, что его смущало – расставание с семьёй. Его старшая сестра – Маргарет и младшая – Линда плакали, когда провожали брата,

ведь он уезжал на целых четыре года. И даже после завершения учёбы он не планировал возвращаться.

На прощание пришёл также и Уэйн. Он подарил другу снимок, на котором Бен пытается залезть на дерево, чтобы спасти кошку. Бенджамин подарил другу плакат с изображением группы «Битлз». Это был постер с того самого концерта, когда в Ливерпуле зажглась слава этой супергруппы. Уэйн обнял друга и даже взвизгнул от восторга – такого подарка он не ожидал. Ему даже стало стыдно за то, что он подарил какую-то фотографию с кошкой, а его друг – плакат с любимой группой. Роберт и Сюзен старались сдерживать эмоции, но в голове отца пробежала мысль, что что-то разрушается с этим отъездом. Сюзен не была столь сентиментальна и просто обняла сына, сказала ему, чтобы тот был послушным мальчиком и несильно заигрывал с девочками.

– Ну, мам, зачем ты меня позоришь? – спросил Бен.

– Не волнуйся, ты и сам с этой ролью прекрасно справляешься! – ответила мама. И все засмеялись. Обстановка была разряжена. Хотя на глаза Сюзен продолжали наворачиваться слёзы.

Маргарет уже год, как училась в Западном транспортном институте при Университете штата Монтана. Туда же и поступил Уэйн, который, как и Бенджамин, закончил школу только в этом году. Линда ещё училась в девятом классе, она была младше Бена на три года.

Уэйну было непросто начать общаться с новыми одно-

курсниками. Он был человеком закрытым, хотя и постоянно контактировал с Беном. Просто Бен рос по соседству и не разговаривать с соседским мальчиком было бы странно. Уэйна спасало только то, что он учился с Маргарет в одном корпусе. У них была возможность иногда видеться, и даже в столовой сестра Бена иногда находила время, чтобы наедине поболтать с Уэйном, который несколько смущался при общении с ней. В основном, конечно же, Маргарет больше контактировала со своими одноклассниками, но девушка понимала, как непросто приходится другу Бена.

Маргарет предложила, чтобы Уэйн стал новым университетским фотографом, но тот отказался.

«Понимаешь: фотографировать природу – одно, а людей – совсем другое», – так Уэйн мотивировал свой отказ.

Он был абсолютно прав. Уэйн был мастером в фотографировании животных, растений – ему бы в National Geographic работать, но никак не фотографом студенческого журнала.

Периодически Роберт и Сюзен приглашали семью Уэйна к себе на ужин. Родители болтали, а Маргарет и Уэйн, который был единственным ребёнком в семье, обсуждали учёбу, преподавателей и немного фотографии, сделанные Уэйном.

В 1965 году вышла песня «Help!» и одноимённый альбом. Уэйн влюбился в альбом, а самое страшное – в Маргарет. Юноша об этом догадывался давно, но ведь она была сестрой его лучшего друга, и он всячески гнал эти мысли подальше от себя.

Ноябрьским пятничным вечером он пригласил Маргарет к себе домой, чтобы послушать вместе с ней «Help!». Маргарет приняла приглашение – ей давно хотелось хоть куда-нибудь выбраться и оторваться от учёбы.

И вот они сидят на диване и заворожённо слушают песню «I need you»:

Oh yes, you told me,
you don't want my lovin' any more.

That's when it hurt me, and feeling like this,
I just can't go on any more¹.

И после этого четверостишия Уэйн собрался силами и поцеловал в щёку Маргарет, прошептав: «Я тебя люблю».

Дальше заиграла «Another girl», которая немного выбивалась из романтического напряжения, которое витало в воздухе дома Маклинстонов.

Маргарет немного отодвинулась ближе к краю дивана, встала, выключила проигрыватель. Снова села на диван. Взяла руки Уэйна в свои.

– Прости, Уэйн, я знаю, что это может разрушить нашу

---

¹ О да, знаю, любить ты не хочешь с этих пор. Когда мне больно, раз все так и есть, Я жить не хочу с этих пор (пер. англ.)

дружбу, но моё сердце отдано другому. Я влюблена в Кевина Ларссона из моей группы.

Кевин Ларссон был сказочным придурком, который не любил «Битлз» и целовался, как минимум, с пятью девушками только в этом году. Маргарет, видимо, об этом не знала.

– Понятно, – сказал Уэйн, впервые ощутив, как гнев прибывает к его вискам. В голове Уэйна кружилась строчка из песни: «I could never really live without you²». – Уходи, Маргарет. Мне надо побыть одному.

– Уэйн, мне жаль. Ты хороший парень и обязательно кого-нибудь встретишь.

– Надеюсь: ты в курсе, что твой Кевин ещё тот герой-любовник. Он целовался с пятью первокурсницами.

– Ты ошибаешься. Даже если это и так, то у него было просто помутнение. Я знаю, что он любит меня. Бывает, что люди сбиваются с пути и начинают делать какие-то глупые поступки. Кевин – очень хороший парень.

«Вот же, урод, запудрил голову девушке. Но как Маргарет вообще можно запудрить голову? Может она настолько неопытна в любви? Я их ненавижу обоих. «У него было просто помутнение». Наверное, помутнение от количества девушек, которых он использовал», – вереница мыслей роилась в голове Уэйна.

Маргарет ещё раз попросила прощения, взяла джинсовку и ушла.

---

² Разве я могу жить врозь с тобою (пер. англ.)

Уэйн остался в этот вечер с «битлами» и собственным одиночеством.

Чтобы сойти с ума нам не нужно много – достаточно просто влюбиться. Тоже самое произошло и с Уэйном. Неделю он не общался с Маргарет. Та смотрела на него в университете, но он даже не бросил на неё ни разу взгляд. В столовую Уэйн перестал ходить. Есть совсем не хотелось. В его голове было множество мыслей, как сделать так, чтобы Маргарет не встречалась с Кевином, но не было ни одного варианта, чтобы девушка полюбила его.

Уэйн во время занятий в четверг почувствовал себя очень плохо. У него начал болеть живот, похоже, что желчь готова была выплеснуться из него. Младший Маклинстон поднял руку и сделал знак профессору, что ему срочно нужно выйти – было видно, как лицо студента посинело. Преподаватель разрешил ему выйти. Уэйн побежал в туалет, но, зайдя в него, он увидел, как Кевин прижимает к себе Маргарет, целует, хватая её за бёдра, грудь. Кевин успел сделать только десять шагов назад и его вырвало прямо в коридоре. Маргарет и Кевин не услышали неприятные звуки, а Уэйн, облегчив свой организм, убежал домой. На занятия в институт он больше не вернулся.

Уэйн вечером следил за домом Кевина. Ему пришлось выпросить у отца машину, чтобы якобы прокатиться и насладиться звуком Ford Ranchero 1957 года. Машина име-

ла огромный успех в США, что подтолкнуло конкурента из Chevrolet создать непревзойдённый El Camino. Можно до бесконечности рассказывать о том, какие превосходные машины появлялись в США в те годы, но Уэйна в то время это волновало в последнюю очередь.

На улице уже холодало. Температура опускалась до +5. Уэйн следил за домом своего врага на расстоянии семидесяти метров с противоположной стороны улицы. Кевин вышел из дома в районе семи вечера, сел в свой коричневый Hudson Hornet 1952 года. Божественная машина! Она тогда ещё производилась в Детройте, где умели делать настоящие американские автомобили.

Для Уэйна хуже всего было то, что его машина была бирюзового цвета и в свете фар, проезжающих мимо автомобилей, светила как новогодняя елка. Уэйн поехал вслед за Кевином и удивился, когда его слежка привела к собственному дому. Что он делает здесь? Потом вышла Маргарет и до Уэйна дошло, что бабник решил устроить свидание.

«Чему я вообще удивляюсь? Они встречаются, Маргарет – не моя собственность. Что с тобой Уэйн?» – спрашивал сам себя младший Маклинстон.

Маргарет села в Hudson и подарила водителю долгий поцелуй. В душе Уэйна всё перевернулось. В голове звучало только:

I'm a loser,

I'm a loser,

And I'm not what I appear to be³.

«Почему именно со мной это происходит? Чем я хуже этого подонка? Я бы её любил, дарил ей всего себя. Бен, мне так тебя не хватает! Ты бы меня поддержал, подсказал, но тебе нельзя знать мою тайну», – говорил сам с собой Уэйн, жалея, что не может связаться через телепатическую связь со своим другом, который лишь изредка присылал письма. Все его послания были весьма односложными, в них не было той дружеской искры – просто отписка. Бенджамина можно было понять: он трудился, не покладая рук, старался получить достойное образование.

Машина Кевина двинулась на север города, в сторону гор. Судя по всему, они ехали на то место, которое для Бена и Уэйна значило очень много. Там висели самодельные деревянные качели на дереве, которые смастерил Роберт; всюду горы, сосны и огромное ущелье в пятидесяти метрах от дерева. Раньше дорога была песчаная, но со временем она уплотнилась и теперь по ней можно проехать, не увязнув даже на пять сантиметров. Но чтобы добраться до того памятного места нужно было проехать по асфальту вдоль леса, затем на т-образном перекрёстке повернуть налево и ещё метров сто по уплотненной песчаной поверхности. Заасфальти-

---

³ Я неудачник, Я неудачник, И я не такой, каким кажусь. (пер. англ.)

рованная дорога была проложена только в направлении границы с Канадой, а этот путь лежал на северо-восток от Линклэда.

Уэйн двигался на своём «Форде» вслед за «Хадсоном». Вот тот поворот. Но... Что он делает? Почему Hudson ускоряется? Он же вылетит с обрыва. Машина Кевина и правда очень сильно разогналась, но затем в темноте послышался резкий скрежет шин – это молодой стритрейсер решил показать Маргарет, как он умеет уводить машину в занос.

Уэйн задумался: «Может так он пытается выпендриваться перед девушками?»

Уэйн оставил машину в ста метрах от перекрёстка и пошёл пешком к тому месту, прихватив с собой фотоаппарат. Да, в темноте он снимает совсем плохо, но что-то можно различить. Машина и вправду, как и предполагал Уэйн, остановилась у того самого памятного дерева. В машине был включен свет. Они целовались. Уэйн подавил крик злобы и ярости.

«Нужно держать себя в руках. Ничего страшного не происходит», – повторял сам себе Уэйн. Он встал за сосну, которая была всего в двадцати метрах от объектов слежки и сделал пару кадров. После длительных поцелуев Маргарет сняла с себя блузку, затем Кевин расстегнул лифчик и начал целовать её обнажённую грудь. Было видно, как Маргарет получает удовольствие, извиваясь вокруг Кевина, как змея. Через пару минут дверь машины открылась, Кевин спрятал-

ся за дерево.

– Иди сюда, дорогая. Покажи мне всю свою страсть.

– Да, милый, – Кевин уложил её на капот и со всей своей звериной страстью начал овладевать этой девушкой, влюблённой в него до безумства.

Уэйн сделал ещё один снимок, на котором полностью обнажённая Маргарет лежит на машине, а Кевин владеет ею, как король, который имеет в своём подчинении целое государство.

Уэйн добрался до машины, но не стал сразу заводить двигатель. Юноша рыдал навзрыд, бил кулаком себя по голове, пытаясь выбить всё то, что он увидел. К сожалению, память может стереть только то, от чего нам не становится так больно. «Суки, суки! Я ненавижу их! Чёртов Кевин. Он ещё не знает, кто я». Уэйн вытер слёзы, завёл машину, включил «Rock n' roll music» и поехал домой.

На следующий день он забрал документы из института. Родители были шокированы решением сына, но отговаривать не стали. Деньги у семьи есть. Отец занимается продвижением компании Ford в Монтане. У него это неплохо получается, поэтому и проблем с финансами у семьи Маклинстонов нет. Уэйн сказал отцу, что хочет открыть в Линклэде музыкальный магазин. Стив (так звали отца) сказал, что поможет сыну начать своё дело, но тот должен будет решать все проблемы самостоятельно. На том и порешили. Уэйн и так был достаточно самостоятельным. Избалованным его слож-

но было назвать. Он ничего никогда не просил, за редким исключением. В основном инициатива исходила от самих родителей, которые по-прежнему считали его ребёнком, которому необходимо развиваться. Мама продолжала ему покупать акварельные краски в надежде, что у Уэйна проснётся страсть к живописи, но юноше по душе были совсем другие занятия.

В этот же вечер Уэйн решил продолжить следить за Кевином и Маргарет. Что у него было на уме он и сам не знал. Ему так больно их видеть, но почему-то у него появился нездоровый интерес к их утехам. Ему хотелось знать всё и попробовать устроить какую-то западню для них обоих. Для одного за то, что он пользуется любовью Маргарет, а для неё – за страдания собственной души. Уэйн чувствовал, как открывает в себе новую черту, вырывающуюся наружу. Ощущение такое, будто питон обвивает тебя, а потом медленно проглатывает и переваривает. Нет, ужалить он не может, но справиться с ним практически невозможно.

Взяв в очередной раз машину отца, Уэйн под музыку битлов двинулся к дому Кевина. Снова около шести вечера Hudson поехал в сторону дома Маргарет, но затем повернул направо и отправился в восточную часть города.

«Куда он едет? Маргарет живёт на севере. Ладно, двигаемся дальше».

And when I wanna kiss you, yeah,

All I gotta do is whisper in your ear
The words you long to hear,
and I'll be kissing you⁴.

Около круглосуточной закусочной «Хадсон» остановился.

Из неё выбежала Сара, которая училась в потоке Уэйна. Однокурсница Уэйна села в машину Кевина и поцеловала его.

Какого же было удивление Уэйна, когда Кевин всё повторил в точности, что и вчера. Он увёл машину в занос, раздел девушку и занялся с ней сексом, положив её на капот. И снова Уэйн сделал несколько снимков. Всё как во сне. Сплошное дежавю, все константы на том же месте, только одна переменная – девушки. Уэйн почувствовал, что ему нравится копаться в этом грязном белье, его полароид делал всё новые и новые снимки. По его коже пошли мурашки, ворот рубашки уже не давил так, как вчера. Он чувствовал уверенность и точно знал, что случится в следующий четверг 25 ноября.

Каждый день это продолжалось. Уэйн около шести уже был готов к слежке за машиной Кевина. Тот выезжал и ехал к новой девушке: в субботу – Виктория, в воскресенье – Клара, в понедельник – Мэгги, во вторник – Дора, в среду – Полли.

---

⁴ Когда же захочу я целовать тебя, да, Все, что нужно мне – на ушко прошептать Слова, что ждешь опять, и я тебя целую. (пер. англ.)

У Уэйна уже появился специальный фотоальбом для новых снимков, которые плодились у него с невероятной скоростью. Каждый день он делал по пять снимков и, на всякий случай, делал их копии в двух экземплярах. Когда подобные коллекции появляются у людей, хочется их спросить: кому вы собираетесь оставить свои сокровища?

В четверг 26 ноября случилось то, чего всю неделю ждал Уэйн. Был холодный ноябрьский день. Пять градусов тепла. Очень сильный ветер. Но героя-любовника Кевина такие мелочи не останавливают. Поразвлечься с девушками он может и в машине.

Вечером Уэйн решил сразу поехать на место, чтобы всё подготовить. Темнеть уже начинало рано – это было на руку Маклинстону младшему. Он остановился в двухстах метрах, не доезжая перекрёстка. Накануне, у отца Бенджамина Уэйн выкрал из мастерской пятьдесят литров старого машинного масла. Роберт обычно хранил это масло в сарае, рядом с мастерской, чтобы местные жители в случае надобности могли его брать. Мало ли, кому оно может понадобиться, чтобы покрасить забор или разжечь огонь.

Уэйн взял пять канистр и положил в багажник, предварительно положив покрывало, чтобы не запачкать папин «Форд». Не хотелось, чтобы какие-либо подозрения пали на юношу.

Уэйн достал канистры из багажника и начал разливать их

содержимое на перекрёстке примерно в половине шестого вечера. Вечером практически никто не ездит по этой дороге, люди стараются выбраться на юг. На границу с Канадой ехать нет никакого смысла. Уэйн тщательно проливал этот заасфальтированный участник отработанной жидкостью. «Боже, какой ужасный запах. Но это того стоит».

Превратив поворот на перекрёстке в каток, Уэйн отправился к дому Маргарет, он был ближе, чем Кевин, поэтому и следить было проще. Уэйн поставил машину у дома, заглушил мотор, а сам спрятался за изгородью дома Харрисонов.

Около шести вечера, как всегда, приехал Кевин. Уэйн сделал снимок. Через пять минут выбежала счастливая Маргарет и поцеловала своего ненаглядного. Уэйн сделал ещё один снимок. На этот раз он не чувствовал такой убивающей его ревности и злобы. Ему казалось, что всё идёт так, как должно идти. Добро должно победить зло (в данном случае почему-то он себя относил именно к первой группе). Чтобы не терять время, он не стал пялиться на то, как парочка целуется и отправился на север. Машину он оставил на этот раз в ста метрах от перекрёстка, на обочине. Вряд ли его кто-то смог бы заметить в такое тёмное время, да ещё и, если учитывать, что Кевин обычно подъезжает к повороту на скорости 50 миль в час, то у них нет никаких шансов.

Через пятнадцать минут Уэйн услышал, как 170 лошадиных сил заревели где-то вдалеке – это был звук умирающего «Хадсона», который должен был сегодня зарычать в

последний раз. Фотоаппарат был наготове. Понятно, что в движении снимки не получатся такими эффектными, но это не уменьшит наслаждение от момента, от ожидания чего-то грандиозного. Младший Маклинстон начал делать множество снимков, как только Кевин оказался в зоне видимости, причём Уэйн даже не боялся, что его заметят, он был уверен в своём плане, поэтому продолжал стоять около машины отца.

В машине Кевина Маргарет рассказывала ему о своих проблемах, которые её спутнику были абсолютно не интересны, его волновал только секс и её кружевное бельё, ну и то же самое у других его любовниц. Он вёл уверенно, предвкушая, какой его ждёт прекрасный вечер. Ему казалось, что он властелин мира. У него каждый день новая девушка, всё расписано поминутно, есть своя схема. Возвести себя в ранг местного Дон Жуана дорогого стоит, а ещё при этом так запудрить девушкам мозги, чтобы им казалось, что они у него единственные. Просто фантастика. Осознание того, что ты можешь заполучить любую так вгрызается в мозг мужчины, что он перестаёт соотносить свои желания и реальность. Если ему кто-то откажет, то он потеряет над собой контроль. Для него завоевание отказавшей ему девушки превратится в смысл его жизни – это так бессмысленно, но такова реальность. Мужчины не способны считаться с мнением противоположного пола, их доминантность должна быть во всём, а женщины являются не более, чем материалом, сырьём, ко-

торое служит исключительно для удобства. Если материал становится не пригоден для каких-то целей, то мужчины его убирают в дальний ящик или обменивают на новый.

В свете фар что-то мелькнуло слева. Кевин пригляделся: это машина Маклинстонов и Уэйн.

– Какого чёрта здесь делает твой друг Маклинстон в такое время? – спросил Кевин у Маргарет, не отрывая взгляд от дороги.

– Не знаю, может просто гуляет, – ответила девушка.

В этот момент Кевин сделал последний занос в своей жизни. Машину на страшной скорости понесло боком прямо в ограждение. Разбив оградительную конструкцию, машина полетела напрямик в ущелье, барахтаясь и кувыркаясь по ухабам спуска, расположенного на севере штата Монтана.

Уэйн был в восторге, но единственное, что подлило горечи в его празднование победы – тот факт, что Маргарет посмотрела на него перед своей кончиной. Её глаза были полны сожаления и сострадания.

«Вот же грязная сука, ей ещё захотелось меня пожалеть». Уэйн подошёл к ущелью и посмотрел вниз. Работа сделана, ещё пару кадров и спать, а то завтра шумиха поднимется невероятная.

Роберт Харрисон тем же вечером отправился на поиски дочери. На улице уже было прохладно, пошёл мокрый снег. На часах уже было двенадцать ночи. Роберт уже завёл маши-

ну, но неожиданно в стекло со стороны пассажирского сидения постучал Дэйв Ларссон (отец Кевина). Роберт открыл дверцу и пригласил Дэйва войти:

– Дэйв, где моя дочь? Ты не знаешь? Я к тебе как раз собирался ехать. Она с твоим сыном поехала куда-то. Она мне сказала, что они сегодня собирались встретиться и поехать на прогулку.

– Да, слушай, только не пугайся раньше времени, но Кевина тоже нет, – Дэйв хотел показать себя крайне сдержанным, хотя сам был до смерти напуган. – Наш сын всегда возвращается в десять вечера и никогда не опаздывает. Роуз (мать Кевина) из-за этого волнуется.

«Где их черти носят?» – задал сам себе риторический вопрос Дэйв. Голос его периодически дрожал.

– Можно я поеду с тобой? Мой «Хадсон» у Кевина, а пешком я вряд ли смогу их найти.

– Конечно, о чём разговор? Ты по району ходил?

– Да, был в закусочной, в супермаркете. Везде спрашивал, но никто их не видел.

Роберт пялился на «Форд», который стоял у Маклинстонов, и призадумался. «Не могла ли Маргарет пойти к Уэйну? Нет, вряд ли, ведь Кевин тоже пропал, а Уэйн вообще, кроме Маргарет и Бена, никого к себе домой никогда не приглашал. Парень очень хороший, но сильно замкнутый».

– Ладно, поехали. Мы их найдём, старина. Не переживай.

Они двинулись сразу на север – на юге искать было нечего,

во всех местах, где они могли быть, Дэйв ничего не нашёл.

Вдали показалась странная лужа на дороге, Роберт сбавил скорость – не могло столько появиться воды от мокрого снега, который шёл максимум час. Он остановил машину на обочине.

– Дэйв, что это за пятно? Пойдём посмотрим.

– Похоже на бензин какой-то, слишком тягучее что-то и воняет адски.

Мужчины вышли из автомобиля и почувствовали резкий запах машинного масла. Это фура что ли везла масло: откуда его столько? Роберт достал фонарик и начал светить вдаль. Он увидел, что ограждение впереди прорвано. Вот же чёрт.

– Дэйв, бегом, там похоже была авария! – крикнул Роберт, переходя с шага на бег.

Дэйв и Роберт со всех ног побежали по обочине, чтобы не касаться этого масляного моря. Подбежав к обрыву, они увидели, что перевёрнутый «Хадсон» лежит внизу сильно искорёженный. Единственное, что от него осталось – это лишь шасси, которое по-прежнему не изменило корпусу, к которому так привыкло.

Дэйв заплакал навзрыд, крича и проклиная Бога за то, что тот забрал его сына. Роберт сказал:

– Без паники, на войне тоже всегда думаешь, что человек мёртв. Всегда нужно верить. Мы ещё точно не знаем. Я побегу к машине, подхватчу тебя. Стой здесь. Мы спустимся по асфальтированной дороге, потом повернём налево и уже по-

дойдём поближе. А ты, Бога ради, успокойся.

На Дэйва эти слова подействовали успокаивающе. Он дождался, когда Роберт по обочине доедет до перекрёстка и повезёт его на место, где погиб его сын.

Дэйв и Роберт смогли открыть остаток водительской двери и вытащить бездыханное тело Кевина, Маргарет была полностью зажата, так как её возлюбленный входил в занос, чтобы повернуть налево – это означало, что самый страшный удар пришёлся на пассажирскую сторону. Роберт видел, как выходящие волосы его дочери по-прежнему скрывают её лицо. Как же она прекрасна! Такая маленькая, беззащитная. Ему сразу вспомнилось, как он в первый раз взял её на руки – его первая дочка. Он видел смерти и в Европе, но от этого отвыкаешь. Каждый раз, когда умирает кто-то из близких, тебе сразу начинает казаться, что война опять началась.

Губы Кевина уже посинели. Он никогда больше не поцелует ни одну девушку. Дэйв держал голову сына и плакал. Роберт с невозмутимым выражением лица, сдерживая свой крик души, поехал к местному шерифу. «Сюзен пока что не стоит говорить о смерти дочери. Скажу, когда тела молодых людей будут отправлены на экспертизу», – сказал сам себе Роберт.

Шериф Стивен Паркер, которому по возрасту пора уже было уходить на пенсию, спал у себя дома, но, услышав на пороге своего дома историю Роберта, тут же взял униформу, позвонил своим помощникам и судмедэкспертам. Через

полчаса уже десять человек исследовали место гибели двух молодых людей.

– Всё предельно ясно: пролитое кем-то масло на дороге, послужило заносом машины, та шла на довольно высокой скорости, поэтому водитель и не смог затормозить или уйти на обочину. По оценкам моих ребят смерть наступила приблизительно пол седьмого вечера, – резюмировал шериф.

– Послушайте, Стивен, но откуда столько масла? Здесь минимум четыре канистры. Это же невозможно, чтобы столько вытекло из какого-либо автомобиля, – сказал Роберт, слегка обозлившийся на шерифа за его невнимательность к деталям. Хотя, что с него взять, ему уже на пенсию давно пора. Мужчине – семьдесят пять, а он всё пытается бороться с преступностью, которой в этом городе нет. Он получил много разных наград от главного управления внутренними делами США за доблестную службу, хотя этот человек не раскрыл ни одного дела. Пропала собака – недосмотр хозяина. Исчез ящик пива из магазина – ошибка на складе. У него всегда был простой, но очень убедительный подход к службе в полиции.

– Да, Вы правы. Возможно, кто-то вёз несколько канистр у себя в пикапе. Возможно, какой-то автомеханик.

– Но единственный автомеханик в округе – это я. Другой автомеханик находится в ста километрах, чтобы он тут делал?

– Послушайте, я очень сожалею, что погибла Ваша дочь –

это ужасно, но это была вина водителя. Вот и всё. Парнишка ехал на очень высокой скорости.

– Ясно, шериф, спасибо за работу.

Роберт понял, что бесполезно спорить со старым маразматиком, который голосует за консерваторов, поэтому он пошёл к Дэйву, чтобы предложить ему пойти к Харрисонам и распить бутылку виски. Тот согласился. Лицо Дэйва за этот день постарело на десять лет, а душа Роберта – на все тридцать.

Через два дня состоялись похороны. Присутствовал весь город. Бенджамин приехал на пару дней, чтобы проститься со своей сестрой и поддержать родных. Бенджамин после прощания с Маргарет ещё долго стоял с отцом над могилой девушки. Ларссоны в тот же день оплакивали своего сына, они всем рассказывали о том, какой он был прекрасный, как всячески всем помогал, хотя, по большому счёту, Кевин прожигал свою жизнь, как типичный представитель «золотой молодёжи» – бездумно, бесталанно и очень быстро.

Бенджамин и Роберт обнялись. У отца и сына катились слёзы, они понимали, что теперь без Марго в их доме поселится пустота, которую не закрыть, не починить, не исправить.

– Сынок, сможем вечером поговорить? Я должен кое-чем с тобой поделиться, – сказал Роберт, вытирая слёзы о свой белоснежный платок.

– Конечно, пап, я думаю, что нам всем есть о чём поговорить.

– Нет, давай без мамы и Линды – это строго между нами. Сам видишь, в каком состоянии мама, – он сжал губы, пытаясь вымолвить, что, кажется, она начала сходить с ума. – Просто есть то, что меня беспокоит. Ты мне хоть скажешь: всё то, что я думаю – это бред или такая теория имеет право на существование.

– Хорошо, пап, – Бен похлопал по плечу отца. Сын уже перерос отца на пару сантиметров. – Извини, я сейчас схожу к Уэйну. Маргарет была и его подругой.

– Да, конечно, иди, а я ещё немного постою здесь.

Роберт остался стоять у могилы дочери. Листья нескончаемым потоком опускались на землю. Трава больше не зеленела, она, как белка, постепенно меняла свой окрас. Скоро её укроют снега, как и дочь, которая уже никогда не вернётся и не скажет, что всё наладится и за зимой наступит оттепель.

Бен подошёл к дому Уэйна. Уэйн сидел на скамейке около дома. Бенджамин сел рядом. Они помолчали где-то минуту.

Уэйн начал первый:

– Ты как, старина? – Уэйн понимал, что вопрос очень глупый, но завязать разговор как-то нужно было. После приезда Бенджамина они лишь сухо поприветствовали друг друга и даже не перекинулись и парой слов.

– Паршиво, очень паршиво, друг. Такое случается неча-

сто. Так неожиданно, несправедливо и резко. Ты как мишень для дартса. В тебя кидают дротиком и пытаются выбить шестьдесят очков.

Странное сравнение в исполнении Бена растворилось в воздухе. Спустя пол минуты Бенджамин продолжил:

– Слушай, Уэйн, какого чёрта моя сестра связалась с этим придурком? – спросил Бенджамин, вздымая голову к небу и, как будто, спрашивая сразу у двоих ответ на вопрос.

– Я понятия не имею, – всё это Уэйн знал, но сказать не мог. Его грызла совесть, но сказать, что он убил Маргарет – было равносильно самоубийству. Да, он нёс ответственность за свой поступок, Уэйн это чувствовал, но у него не было желания исповедоваться перед Беном, который в чём-то тоже оказался виноват. Это он бросил своего друга в одиночестве и даже перестал писать нормальные письма. – Я с ней общался, но в последние две недели она стала больше проводить времени с Ларссоном, поэтому ничего не могу сказать. Может он и вправду был хороший парень?

– Брось ты, Уэйн, он же из нашего города. Ты его помнишь. Он ни одной юбки мимо себя не пропустит. Здесь что-то другое.

– Помнишь: мы с тобой думали, что твоя сестра всё знает? – Уэйн внимательно посмотрел на друга.

Бенджамин сразу вспомнил тот случай, когда он прибежал на участок Маклинстонов в день смерти Кеннеди.

– Да, конечно, помню, – утвердительно кивнул Бен, уста-

вившись на собственные ботинки, которые уже успели заляпаться от грязи, вечно сопровождающей дороги каждого кладбища. – Ты ещё говорил, что она самая рассудительная девушка на Свете.

– Да. Так вот, может, было то, чего и она не знала? – Уэйн выдержал паузу. По его телу пробежал холод, ему казалось, что тело превратилось в глыбу льда, которую бросили в Северно-ледовитый океан. Уэйн чувствовал, что превращается в ещё более отвратительного человека. Теперь он не только убийца, но и лгун. В это время Бенджамин посмотрел на друга. – Что такое любовь... – закончил Уэйн.

Бенджамин продолжал сидеть, схватившись за голову руками, пока Уэйн не похлопал его по плечу:

– Старина, мне очень жаль. Маргарет была прекрасной девушкой, несчастные случаи в любой семье могут случиться, и ты это знаешь. Просто помни о ней только хорошее. Забудь про этого Кевина. О покойниках плохо не говорят, но он был ещё той скотиной.

– Твоя правда, – слегка улыбнулся Бен. – Ладно, спасибо, друг, я пойду, а то мать совсем в депрессию впала. Ей прописали таблетки, но она совсем никакая. А Линда вроде понемногу отходит – очень скучает по сестре.

– Я тоже скучаю. И ты тоже. Если хочешь, то приходи ко мне, послушаем «Help!»

– Да, я тоже очень скучаю. Спасибо, друг, перед отъездом зайду обязательно.

Бенджамин пошёл по дорожке от дома Маклинстонов к своей, его левая штанина немного задралась, зацепившись за носок, поэтому выглядел он в своём костюме очень нелепо, хотя ему было абсолютно всё равно. Сегодня не стало его сестры, подруги и путеводной звезды, которая была одной пятой, а может быть и большей частью, их семейного очага.

В доме было полно людей, все подбегали к Сюзен и говорили о том, как ей сопереживают. Было видно, что мама устала, поэтому Бен предложил ей подняться наверх и немного отдохнуть. Он проводил её в спальню, где она легла, предварительно закинув в себя какую-то таблетку. Бенджамин удостоверил её, что Линда и он справятся со всеми домашними хлопотами. Там ничего сверхъестественного и не требовалось – нужно было только выставлять вовремя новую порцию виски и приносить закуски, которыми был набит весь холодильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.